

Склеинис Галина Альфредовна

СОЗДАНИЕ МОДЕЛИ ЗНАКОВОГО ПОВЕДЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО ("ЧТО ДЕЛАТЬ?", "ПРОЛОГ") И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

В статье аргументируется мысль о результатах создания сознательной модели знакового поведения в творчестве Н. Г. Чернышевского (рассматривается, например, несостоятельность попыток воплотить художественную реальность в быт при создании коммун и мастерских, но успешность гражданских браков и устройства семейного быта). На примере романов "Что делать?", "Пролог" иллюстрируется взаимосвязь биографического, психоаналитического и семиотического методов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/9-2/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 9(63): в 3-х ч. Ч. 2. С. 35-38. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

3. **Илунина А. А.** Интертекстуальность и ее идейно-художественные функции в романах Роберта Ная «Фальстаф», «Странствие Судьбы», «Г-жа Шекспир: полное собрание сочинений» и «Покойный г-н Шекспир»: дисс. ... к. филол. н. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2007. 200 с.
4. **Ильин И. И.** Интертекстуальность // Современное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины: энциклопедический справочник. М.: Интрада, 1999. С. 204-210.
5. **Ученова В. В.** Современные тенденции развития журналистских жанров // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. М., 1976. № 4. С. 66-73.
6. **Эсалнек А. Я.** Своеобразие романа как жанра. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 79 с.
7. **Unsworth B.** Morality Play. United Kingdom: Hamish Hamilton, Ltd., 1995. 188 p.

**THE REALIZATION OF A NOVEL TITLE AS AN ELEMENT OF GENRES SYNTHESIS
IN A LITERARY TEXT (BY THE EXAMPLE OF THE NOVEL BY BARRY UNSWORTH "MORALITY PLAY")**

Saburova Natal'ya Vladimirovna, Ph. D. in Philology
North-Eastern Federal University in Yakutsk
natalya_saburova@inbox.ru

Petrova Ekaterina Valentinovna
International Centre ISE
ise.petrova@gmail.com

The article examines some methods of actualization of the synthesis of genres in a literary text. The novel under consideration represents by itself an interesting example of using such method – the nomination of the stylizing genre is explicitly introduced through the title and is consequently realized at several text levels. In the course of the text realization this element, while interacting with two other genres the features of which are present in the novel, contributes a lot to the revealing of idea-aesthetic and meaning component of the literary work under analysis.

Key words and phrases: title; synthesis of genres; architextuality; historical chronotopos; detective plot; morality.

УДК 82.0:801.6

В статье аргументируется мысль о результатах создания сознательной модели знакового поведения в творчестве Н. Г. Чернышевского (рассматривается, например, несостоятельность попыток воплотить художественную реальность в быт при создании коммун и мастерских, но успешность гражданских браков и устройства семейного быта). На примере романов «Что делать?», «Пролог» иллюстрируется взаимосвязь биографического, психоаналитического и семиотического методов.

Ключевые слова и фразы: знаковая фигура; ореол мученичества; семиотика поведения; фиктивные браки; компенсаторная функция; культурная модель.

Склеинис Галина Альфредовна, д. филол. н., доцент
Северо-Восточный государственный университет (г. Магадан)
Psy-adept@rambler.ru

**СОЗДАНИЕ МОДЕЛИ ЗНАКОВОГО ПОВЕДЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО
(«ЧТО ДЕЛАТЬ?», «ПРОЛОГ») И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ**

Н. Г. Чернышевский – знаковая фигура, духовный вождь и «властитель дум» русской радикальной молодежи. «Есть имена, – писал историк Нестор Котляревский, – которые покрывают собою духовную работу целого поколения <...> Имя одного человека становится выразителем целого движения <...> Для молодого поколения 60-х, в его радикальных группах разных оттенков, имя Чернышевского было таким условным именем» [2, с. 256].

Влияние Н. Г. Чернышевского, и до того колоссальное («писателя не только считали вождем общества, но и наделяли особым ореолом святости» [5, с. 13]), усилилось после его ареста и незаконной каторги (растянувшейся на долгие годы). Современный исследователь В. Сердюченко указывает на психологические истоки отношения к Н. Г. Чернышевскому его современников и уточняет степень влияния этого человека на общественное сознание: «В радикальных кругах русского общества параллельно с пребыванием Чернышевского на каторге начинается прижизненная канонизация его имени и биографии <...> Профетичность образа Рахметова катализировалась в общественном сознании XIX века мученической биографией его автора» [6, с. 74-75].

Биография действительно была мученической. Почти два года продолжался арест Н. Г. Чернышевского в Алексеевском равелине Петропавловской крепости (с 7 июля 1862 по 7 апреля 1864 года). Несмотря на полное отсутствие улик, следственная комиссия сфабриковала против него политическое дело (донос Яковлева, провокация Вс. Костомарова). Николай Чернышевский был приговорен к лишению прав состояния, ссылке в каторжные работы на рудниках на 14 лет и к вечному поселению в Сибири. Александр II сократил каторжные работы наполовину. Вернуться в Астрахань писатель смог только в 1883 году, почти через 20 лет

(подробно о следствии по делу Чернышевского, о гражданской казни публициста, об условиях его пребывания в Кадае, на Александровском заводе и в Вилуйске см. в работе А. П. Ланщикова [3, с. 258-378]).

В Алексеевском равелине Чернышевский написал роман «Что делать?». Его появление произвело редкий эффект.

Запрещенный сразу после публикации (в 3-5 номерах за 1863 год, журнал «Современник»), он стал библиографической редкостью. Его переписывали от руки, приобретали в эмигрантских изданиях. И. Паперно приводит такие факты и цифры:

«Цена экземпляра “Что делать?” составляла 25 рублей в 60-е годы и 60 рублей в конце века – огромную сумму. Один мемуарист вспоминает, что некоторые люди продавали самое ценное свое имущество, чтобы купить экземпляр романа, другой – что в определенных кругах это был ценный подарок к окончанию учебного заведения или к свадьбе» [5, с. 26].

Колоссальным влиянием эмпирической личности и художественной реальности Н. Г. Чернышевского на сознание и бытовое поведение современников аргументируется актуальность и продуктивность изучения творчества писателя в аспекте семиотики. По удачному определению И. Паперно, «в романе “Что делать? Из рассказов о новых людях” (1863), Чернышевский сознательно работал над построением новой модели человека, предназначенной для реализации в социальной жизни – он является и достойным, и удобным объектом для исследования по семиотике поведения» [Там же, с. 9].

Чтобы сформулировать **цель** нашей работы, необходимо сделать одно терминологическое уточнение.

Существует два аспекта семиотического (= семиологического) анализа текста. И. Паперно уделила внимание тому аспекту семиотики, который изучает «роль психологических механизмов и конкретного человека в формировании литературных текстов, культурных моделей и культурных кодов» [Там же, с. 8]. Ю. М. Лотман рассматривает повседневное поведение человека, испытавшего воздействие искусства, как текст и, более того, как реализацию культурных кодов, сформировавшихся под непосредственным воздействием литературы и искусства: «...художник доносит свою моделирующую систему до сознания аудитории. Из этого следует, что художник не только разъясняет действительность как определенную структуру (познавательная роль искусства), но и сообщает, навязывает аудитории (если ему удастся ее “убедить”) свою структуру сознания, делает структуру своего “я” структурой “я” читателя. На этом основана социальная, агитационная природа искусства» [4, с. 51].

Иначе говоря, нас больше интересует не как создавалась идеальная модель (И. Паперно уделяет этой проблеме достаточное внимание в своей книге [5]), а как она влияла на сознание и к каким результатам привела. Это и составит **цель** нашей работы.

Кроме того, мы полагаем, что история взаимоотношений главных героев романа может послужить хорошей иллюстрацией как к биографическому, так и к психоаналитическому методам в их взаимосвязи.

Как же повлияли идеи и образы знаменитого романа на повседневное поведение и мировосприятие «новых людей»?

И. Паперно утверждает, ссылаясь на определение известного народника С. Степняка-Кравчинского: «личность нового типа строилась на “трех ипостасях” идеала, провозглашенного романом “Что делать?”, – “свобода мысли”, “развитая подруга жизни” и “разумный труд”» [Там же, с. 17].

«Свобода мысли» и «разумный труд» реализовались в создании коммун, а «развитая подруга жизни» – в фиктивных браках и даже любви троим. За образец во всех случаях оказывались взятые отношения между Верой Павловной, Лопуховым и Кирсановым.

Следует отметить также, что на массовость свободных отношений «наложились», кроме влияния знаковых образов романа, и тенденции эпохи (стремление к эмансипации).

О том, как «новые люди» стремились воплотить художественную реальность в быт, писал в своих «Литературных воспоминаниях» А. М. Скабичевский:

«Всюду начали заводиться производительные и потребительные ассоциации, мастерские, швейные, сапожные, переплетные, прачечные, коммуны для общежития, семейные квартиры с нейтральными комнатами и пр.» [7, с. 249].

Самой знаменитой коммуной стала коммуна, организованная популярным писателем Василием Слепцовым уже в 1863 году и просуществовавшая около года. Ее подробное ироническое описание, указание на прототипы, рассказ о причинах полного экономического провала можно найти в увлекательной статье К. И. Чуковского «История слепцовской коммуны» [10, с. 300-320]. К причинам неудачи деятельности коммунаров Чуковский относит паразитизм, авантюризм, даже жульнические наклонности некоторых членов коммуны. Об амбициях писателя-демократа Василия Слепцова многократно писали авторы антиинициативных романов, созданных в 1864-1869 гг.: он послужил прототипом для таких сатирических героев, как Белоярцев («Некуда» Н. С. Лескова), Висленев («На ножах» Н. С. Лескова), Ардалион Полояров («Панургово стадо» Вс. Крестовского).

В романе «Что делать?» мастерская Веры Павловны процветает. Восхищенная Катерина Полозова пишет подруге после посещения швейной: «Вместо бедности – довольство, вместо грязи – не только чистота, даже некоторая роскошь комнат; вместо грубости – порядочная образованность; все это происходит от двух причин: с одной стороны, увеличивается доход швей, с другой – достигается очень большая экономия в их расходах» [9, с. 329-330].

Несмотря на основательные разумные доказательства, приведение точных цифр, неоспоримых фактов (несколько страниц посвящено специальным математическим подсчетам того, как сделать мастерскую

процветающей), адептам Чернышевского не удалось повторить его успехов. Возможно, сказалась недооценка «натуры» (хотя ссылки на натуру делаются в романе постоянно: «Против своей природы человек бессилён», – утверждает Лопухов [Там же, с. 266], но имеются в виду другие свойства природы, например темперамент). Однако повторимся: желание смоделировать свою жизнь по предложенному образцу было очень сильно.

Иначе обстояло дело с заключением гражданских браков и устройством быта.

Существует много интересных фактов, говорящих о влиянии культурных моделей, получивших воплощение в жизни после заинтересованного изучения романа Н. Г. Чернышевского. Возьмем один, наиболее яркий. Гражданский брак В. В. Маяковского и Л. Брик строился по принципу «любовь втроем», и любовные отношения совершенно не омрачались ревностью. «В двадцатые годы они одно время даже жили в одной квартире, причем расположение их личных и нейтральных комнат подробно описано в мемуарах Лили Брик. Роман “Что делать?”, как мне кажется, послужил для них и источником вдохновения, и образцом для подражания в конкретных ситуациях» [5, с. 30].

Такой же успешно реализованной моделью стали внешние отношения Верочки, Лопухова и Кирсанова (спасение героини из подвала, обучение Веры Павловны, раздельное проживание супругов, уважительное и равноправное общение, организация досуга). Беремся утверждать, что эти отношения могут служить ориентиром и для современного читателя, поскольку строятся на общечеловеческих нравственных ценностях, разумны и полезны для тех, кто дорожит идеей прочного и счастливого брака.

Обратимся теперь к взаимосвязи автобиографизма и психоаналитичности (элементов психоанализа).

Если жизнь Веры Павловны с Лопуховым, а затем с Кирсановым описана сознательно и представлена как руководство к действию, то решение проблемы любовного треугольника дано (скорее всего, бессознательно) как «выдавание» желаемого за действительное.

Известно, что Н. Г. Чернышевского связывали непростые отношения с О. С. Васильевой-Чернышевской. Мучительно переживавший ее легкомыслие, доходящее до неверности, Чернышевский проектировал и проигрывал в художественной реальности более лестные для себя варианты: Верочка с негодованием отказывается от брака втроем, хотя Лопухов ради спокойствия жены (и в силу отсутствия предрассудков) готов его допустить; Верочка любит Кирсанова, но не может допустить морально своей измены Лопухову, так как безмерно благодарна ему. Лопухов же во всех сложных ситуациях ведет себя мудро, великодушно и самоотверженно.

Еще более показательна, как разрешается ситуация с неверной женой в позднем незавершенном романе «Пролог», написанном во время пребывания Чернышевского в каторжной тюрьме Александровского завода в 1867-1870 гг.

Волгина Лидия Васильевна (так зовут в романе супругу Волгина, явно автобиографичного героя), умница и красавица, только на первый взгляд кажется легкомысленной, кокетливой, увлекающейся, всегда готовой к флирту. В действительности же она верна мужу, неприступна для других мужчин, нежно заботится о Волгине, высоко ценит его, готова разделить с ним все тяготы судьбы [8, с. 12-13, 81, 99].

Такое самооправдание и самоуспокоение вряд ли было вполне сознательным (элементы биографичности и психоанализа), и мы имеем дело с ярко выраженной компенсаторной функцией. Допустим здесь и семиотический метод – предложенная читателю идеальная модель отношений между «новыми» мужчиной и женщиной. Хотя у Чернышевского и были оправданные сомнения в публикации романа: в России роман был опубликован только в 1906 году [1, с. 410], но он не мог, создавая роман, не заниматься воспитанием своего читателя, его ориентацией на собственный жизненный опыт, преобразованный и идеализированный.

Таким образом, романы Н. Г. Чернышевского – наиболее благодарная и благодатная почва для анализа в аспекте биографизма, психоаналитики и особенно семиологии, поскольку писатель совершенно осознанно моделировал в своем творчестве идеал, образец для подражания как в социальной, политической жизни, так и в быту. Строя социальную утопию, он также перестраивал эмпирическую реальность по наиболее выгодному для себя варианту. Результаты следования этой модели жизнеустройства были различными, что объясняется разными причинами, объективными (увлечение эмансипацией в 60-е г. как тенденция эпохи) и субъективными (двойственная природа человека, склонного к преувеличениям, желающего эпатировать современников, но и ценящего искренность, постоянство, заботу).

Список литературы

1. Горелов П. Г. Примечания // Чернышевский Н. Г. Пролог: Роман из начала шестидесятых годов. М.: Советская Россия, 1988. С. 406-427.
2. Котляревский Н. Канун освобождения. 1855-1861. Из жизни идей и настроений в радикальных кругах того времени. Петроград: Тип. М. М. Стасюлевича, 1916. 560 с.
3. Ланщиков А. П. Н. Г. Чернышевский. М.: Современник, 1982. 399 с.
4. Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа: сборник работ. М.: Гнозис, 1994. С. 17-257.
5. Паперно И. Семиотика поведения: Н. Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 207 с.
6. Сердюченко В. Футурология Достоевского и Чернышевского // Вопросы литературы. 2001. № 3. С. 66-84.
7. Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. М.: Аграф, 2001. 431 с.
8. Чернышевский Н. Г. Пролог: Роман из начала шестидесятых годов. М.: Советская Россия, 1988. 432 с.
9. Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. М.: Художественная литература, 1985. 399 с.
10. Чуковский К. И. История слепцовской коммуны // Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 5-ти т. М., 1967. Т. 5.

FORMATION OF SYMBOLIC BEHAVIOUR MODEL IN N. G. CHERNYSHEVSKY'S CREATIVE WORK ("WHAT IS TO BE DONE?", "PROLOGUE") AND ITS INFLUENCE ON THE PUBLIC CONSCIOUSNESS

Skleinis Galina Al'fredovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Northeastern State University
Psy-adept@rambler.ru

The article analyzes the implementation of conscious symbolic behaviour model developed by N. G. Chernyshevsky (for example, the author emphasizes the unsuccessful attempts to implement the artistic reality into the everyday life while creating communes and workshops but the success of civil marriages and family life arrangement). By the example of the novels "What is to Be Done?", "Prologue" the paper illustrates the interrelation of biographical, psychoanalytical and semiotic methods.

Key words and phrases: symbolic figure; aureole of martyrdom; semiotics of behaviour; fictitious marriages; compensatory function; cultural model.

УДК 821.111(73)

Актуальная в настоящее время тема расовых отношений рассматривается на материале рассказа американского писателя Марк Твена «Письма китайца». Кратко излагаются исторические предпосылки развития в Америке расовых разногласий, а также история формирования антирасистских убеждений автора. Анализируются жанровая и композиционная специфика рассказа, особенности критического реализма, художественные средства создания образов героев произведения, такие как юмор, сатира, ирония.

Ключевые слова и фразы: американская литература; критический реализм; рассказ; памфлет; расовые отношения; сатира; ирония.

Скуридина Ирина Владимировна, к. псих. н., доцент

Шестакова Ольга Валентиновна, к. филол. н.

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
udir@list.ru; shestakova64@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ РЕШЕНИЕ ТЕМЫ РАСОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РАССКАЗЕ МАРКА ТВЕНА «ПИСЬМА КИТАЙЦА»

Интерес к творчеству американского писателя Марка Твена не ослабевает на протяжении более полутора веков. Об этом свидетельствуют современные переиздания его произведений на различных языках, а также научные труды отечественных и зарубежных исследователей творчества писателя [1; 4-6, 10-13].

В произведениях М. Твена находят отражение различные стороны американской жизни, в том числе расовые конфликты, которые имеют место в американском обществе и в настоящее время.

Расовые разногласия в Соединенных Штатах Америки имеют давнюю историю: борьба с рабством в 30-е годы XIX века, упразднение рабовладения, которое имело исключительное значение для последующего капиталистического развития страны. В 1850 году южане «протащили» в Конгрессе Закон о беглых рабах. По этому закону в так называемых «свободных штатах» (штаты, расположенные к северу от 46-й параллели) беглый раб с юга подлежал поимке и возвращению владельцу.

В 1859 году рабовладельцами был предан суду и повешен вождь негритянского освободительного восстания Джон Браун. Однако, несмотря на отчаянные попытки южан сохранить свои рабовладельческие позиции, аболиционистское движение ширилось и росло.

В 1861 году борьба между Севером и Югом достигла своего апогея: разразилась Гражданская война (1861-1865). С окончанием Гражданской войны отнюдь не закончилась борьба за действительное освобождение негров. Лучшие люди Америки в послевоенные годы вновь поднимают знамя борьбы против расизма. Среди них и Марк Твен. Он стал одним из приемников и продолжателей лучших традиций аболиционистской литературы наряду с Г. Бичер-Стоу, Дж. Г. Уиттьером, Дж. Р. Лоуэллом, Р. У. Эмерсоном, Г. Д. Торо, Г. У. Лонгфелло, Б. Гартом.

Через всю жизнь пронес М. Твен любовь к неграм, к их сказкам, песням и гимнам, которые заронили в его душу еще в раннем детстве дни, проведенные им среди негров на ферме его дяди Д. Куорлза близ Флориды. Он написал множество рассказов, памфлетов, журнальных статей, романов, в которых заклеил рабство и расизм во всех их формах и проявлениях. Он проделал сложный путь от осуждения в рассказе «Китаец Джон в Нью-Йорке» «одного» американца, «в сердце которого жажда прибыли выправила человечность» [2], до осознания того, что в бесчеловечном обращении с негром, китайцем, индейцем, ирландцем, филиппинцем, африканцем виновны все американцы, вся, погрязшая в «золотом» грехе накопительства, буржуазная Америка. Эта мысль нашла отражение в таких его произведениях, как рассказ «Возмутительное преследование мальчика», статья «Всего только негр», рассказ «Письма китайца», памфлет «Соединенные Линчующие Штаты», романы